

Т. В. ИВЧЕНКО

ПРИНЦИПЫ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И ПЕРЕВОДА КИТАЙСКИХ КЛАССИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ЛУНЬЮЙ)

В последнее время вышло несколько новых переводов Лунь Юй – текста, лежащего в основе конфуцианского учения. На примере сравнительного анализа нескольких мест из этих переводов в статье делается попытка понять, на каких принципах должны быть основаны новые переводы китайской классики. Особый акцент делается на необходимости детального комментария к оригиналу и экспликации новых переводческих решений самого переводчика.

Ключевые слова: перевод, Лунь Юй, китайская классика, комментарий, переводческое решение.

Т. IVCHENKO

THE PRINCIPLES OF TEXTUAL ANALYSIS AND TRANSLATION OF CHINESE CLASSICAL TEXTS (USING RUSSIAN TRANSLATIONS OF LUNYU AS AN EXAMPLE)

Recently, several new translations of Lunyu, the text that underlies Confucian teaching, have been published. Using a comparative analysis of several passages from these translations, this article attempts to understand what principles new translations of Chinese classics should be based on. Particular emphasis is placed on the need for a detailed commentary on the original and an explication of the new translation solutions proposed.

Keywords: translation, Lun Yu, Chinese classics, commentary, translation solution.

«Беседы и рассуждения/ Суждения и беседы/ Рассуждения в изречениях» Конфуция (далее Лунь Юй) – один из ключевых канонов китайской мысли и культуры в целом по-прежнему привлекает пристальное внимание исследователей. Не удовлетворяясь усилиями и результатами предшественников (что вполне естественно), синологи и философы делают попытки новых, более точных и адекватных переводов этого канона на русский язык. Так обычно декларируется причина и цель всех новых переводческих усилий¹. Постоянный рост их числа свидетельствует о продолжающихся поисках в этой области².

¹ Я постараюсь не повторять идеи двух блестящих статей В.Ф. Феокистова, опубликованных в сборнике его переводов «Философские трактаты Сюнь-цзы» (Натилис, 2005), ограничившись лишь несколькими цитатами ниже по тексту.

² Я не буду перечислять здесь все известные переводы Лунь Юй на русский язык, они более или менее полно перечислены в статьях Конончук Д. В. «Изучать “Перемены”» «подалеже от духов»? О необходимости новых интерпретаций идей «Лунь юя», (Ориенталистика 2020 Vol 3, № 5), Тянь Юйвэй Особенности переводов «Бесед и суждений (Лунь Юй)» на русский язык» (Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология, 2019. Том 11. Выпуск 4) и диссертации Чэнь Лян «Лингвокультурологический анализ китайского трактата Конфуция «Лунь юй» и его переводов на русский язык», Кандидатская диссертация, РУДН, 2022

В связи с этим меня будут интересовать не столько вопросы перевода и понимания отдельных сложных терминов¹ (хотя они исключительно важны и сложны), а стратегия перевода текста как целого, включая вопросы грамматики и многозначной лексики. Я попытаюсь на нескольких примерах проиллюстрировать, как эти проблемы решаются (или не до конца решаются) в некоторых современных переводах Лунь Юй на русский язык.

Мой взгляд на перевод китайской классики во-многом совпадает с идеями, высказанными А. С. Мартыновым и Ю.Л. Кролем во время круглого стола «К проблеме категорий традиционной китайской культуры» и процитированные В.Ф. Феоктистовым в его статье «К проблеме перевода древнекитайских философских текстов»: «Два авторитетных участника дискуссии — А. С. Мартынов и Ю. Л. Крель — связали проблему выделения и классификации категорий китайской культуры с вопросом о переводе на русский язык не только этих категорий, но и всего текста памятника. Особенно четко эта мысль выражена в выступлении А. С. Мартынова, который совершенно справедливо указал на органическую связь категориального аппарата китайских памятников с их концептуальной схемой и, еще шире, со всем контекстом»².

Какой перевод можно считать новым? Чем один перевод может быть «новее» или «лучше» другого?³ Развернутые соображения по этому поводу можно опять же найти у В.Ф. Феоктистова: «Каковы критерии новизны перевода любого философского произведения? Во-первых, предполагается, что перевод содержит новые текстуально-содержательные моменты как результат исследования первоисточника, открывшихся новых обстоятельств (обнаружение новых списков текста, комментариев, иного прочтения иероглифов, учет работ других авторов и т. п.). Во-вторых, новая стилистика, фразеология. ...И наконец, в-третьих, это новое осмысление понятий, терминов, категорий, образующих костяк любого философского произведения... новое толкование таких категорий, как «дао», «ци», «ли», «и», «жэнь», «тай цзи» и т. д. может привести к серьезной корректировке взглядов исследователей на понятийный аппарат китайской классической философии и их содержательную эволюцию».⁴

Хотелось бы несколько скорректировать совершенно справедливые утверждения В. Ф. Феоктистова: вопрос не в новизне, а в глубине, при этом большая глубина понимания текста (и, как следствие, перевода) может дости-

¹ Глубокий анализ категорий «жэнь» (гуманность) и «чэн» (искренность) можно найти в А. С. Мартынов «Конфуцианство. Лунь Юй», Санкт-Петербург, 2001 (том 2 стр. 130-207).

² В. Ф. Феоктистов «К проблеме перевода древнекитайских философских текстов», в книге «Философские трактаты Сюнь-цзы» (Натилис, 2005) с. 349-350

³ Блестящие соображения по поводу сложности задачи перевода Лунь Юй можно найти у В.М. Алексеева: «В самом деле, можно ли с одного приема и с одной лишь версии передать тот самый текст, который в Китае без посредствующего звена („трамплина“) на протяжении веков всегда был непонятен?» Алексеев В.М. Китайская литература. М., 1978, с. 247

⁴ В. Ф. Феоктистов «Нужны ли новые переводы Лунь Юй», в книге «Философские трактаты Сюнь-цзы» (Натилис, 2005) с 363-364

гаться и на материале тех же самых списков текста и тех же комментариев. Перевод должен показывать, как оригинал порождает смыслы, какова его внутренняя логика. В.С. Спирину, А.М. Карапетянцу и А.И. Кобозеву во многом удалось показать, как структурирован и внутренне организован китайский классический текст, какие механизмы он использует для структурирования мысли и построения единой концептуальной системы, как текст комментирует сам себя (термин А.М. Карапетянца), отсылая к другим частям этого же текста (внутренний комментарий) и к другим текстам (внешний комментарий), соединяя все в единое целое. Перевод по возможности должен отражать все это. И тут встает вопрос, насколько это вообще возможно? А если это хоть в какой-то степени возможно, то каким образом можно этого достичь и какими языковыми средствами? И как включить это знание в перевод?¹

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретных примеров, хотелось бы отметить один перевод, стоящий особняком. Речь идет о переводе первых трех глав

Лунь Юй, выполненном академиком В.М. Алексеевым в далеких 1920-1921 годах. На машинной копии этого перевода от 1928 года сделана приписка: «Оставлен за невозможностью печатать». Перевод увидел свет лишь в 2002 году в двухтомнике «Труды по китайской литературе»². Во многих отношениях я считал бы этот перевод образцом работы с классическим канон и с точки зрения качества самого перевода, и с точки зрения понимания роли переводчика и ее отражения в переводческом комментарии. Незавершенность этого перевода мне представляется большой потерей для истории переводов Лунь Юй на русский язык. Академик Алексеев со свойственной ему системностью дал не только перевод самого трактата, но и полностью перевел комментарий Чжу Си, справедливо обосновав свой выбор его авторитетностью, а также снабдил детальными переводческими замечаниями как перевод самого текста Лунь Юй, так и перевод комментария.

Зададимся следующим вопросом: какой перевод китайского классического текста имеет смысл, в первую очередь, для читателя, не владеющего языком оригинала (а это и есть основной адресат перевода)? Мы имеем в виду читателя, готового внимательно вчитываться в текст.

Это, прежде всего, должен быть перевод *откомментированный*. Речь идет не только и не столько о комментарии к персоналиям, географическим названиям и т.д., что очевидно необходимо. Комментарий должен, во-первых, пояснять *глубинный смысл текста* и, во-вторых, разъяснять *принципы перевода* (что систематично делал академик Алексеев). Под глубинным смыслом

¹ Во время одной из конференций по языкам Азии и Африки в Санкт-Петербурге в моем докладе о трактате «Суныцзы бинфа» я пытался показать многомерность структуры текста трактата, на что С.Е. Яхонтов проницательно спросил: «Как Вы собираетесь отразить это в переводе?» Тогда я не смог ответить на этот вопрос.

² В.М. Алексеев, Китайская литература. М., 1978, и более полное издание его трудов «Труды по китайской литературе книги 1-2», Издательская фирма «ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН 2002

понимаются семантические и концептуальные связи внутри всего текста, а не только в пределах какого-либо отдельно взятого предложения, а под принципами перевода – экспликация переводческой стратегии с ее обоснованием: это намеренно буквальный перевод, имитирующий структуру оригинала, или перевод, избегающий буквализм и склоняющийся в сторону более художественного переложения? Почему именно такой выбор переводчик посчитал оптимальным, а свой перевод – «новым» и «продвинутым» по сравнению с предшественниками? Без таких пояснений перевод классического текста больше скрывает, чем открывает.

Известно, что современный популярный формат издания классики предполагает зачастую лишь минимальный комментарий или вообще его избегает. Именно так, например, изданы «Суждения и беседы «Лунь юй»» (научный перевод с китайского и комментарий Лукьянова А.Е., Международная издательская компания «Шанс», Москва 2021)¹, «Конфуций Лунь Юй Суждения и Беседы» (Новый современный перевод, В.В. Башкеев, Издательство АСТ 2023)² и «Конфуций Рассуждения в изречениях в переводе и с комментариями Бронислава Виногородского» (Эксмо, Москва, 2013). Комментарий во всех этих изданиях с очевидностью следует принципу минимализма.

Переводу А.С. Мартынова предшествует весьма обширное исследование конфуцианской традиции и трактата Лунь Юй, но сам перевод не откомментирован³. Видимо, предполагается, что читатель сможет самостоятельно «спроецировать» выводы исследователя на перевод трактата. Можно, однако, предположить, что это вряд ли реалистично.

Исключением является издание «Конфуцианское четверокнижие Сы Шу» (Москва, Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2004), где читатель найдет подробный комментарий по ходу всего текста перевода трактата, что дает возможность во многих случаях понять аргументацию переводчика, а затем соглашаться или не соглашаться с ней.

Из всего вышесказанного хотелось бы сделать следующий вывод: выбор между, например, двумя альтернативами перевода категории «жэнь» (仁) как ‘гуманность’ или ‘человеколюбие’ принципиально не решает проблему адекватности перевода, и здесь сложность состоит не только в «удручающей полисемии термина «гуманность» в учении луского мудреца»⁴, но и в «удручающей» полисемии и размытости значений соответствующих русских эквива-

¹ Перевод хотя и квалифицирован как научный, но Анатолий Евгеньевич дал весьма лапидарный комментарий лишь к персоналиям и некоторым основным концептам. Семинар по обсуждению перевода с участием Анатолия Евгеньевича, к сожалению, провести не удалось в связи с его безвременной кончиной в 2021 году.

² В весьма основательном предисловии к этому переводу дается продуктивный анализ архетиктоники текста, в тексте справедливо выделяются различные «структурно-жанровые группы» и отмечается жанровая и структурная неоднородность текста, иллюстрируемая анализом терминов-концептов 禮 ‘ритуал’ и 仁 ‘человечность’, но всего этого недостаточно, так как все эти идеи предполагают эксплицитную реализацию в переводе текста, а способ этой реализации далеко не всегда ясен и очевиден.

³ А.С. Мартынов «Конфуцианство. «Лунь Юй»», Санкт-Петербург, 2001

⁴ А.С. Мартынов, 2001, том 2, стр. 130

лентов. А это, в свою очередь, означает, что любой перевод (новый или старый) требует комментария и в связи с многозначностью терминов (названий категорий) предполагает пояснения значения в каждом контексте встречаемости: читатель вряд ли в состоянии сделать это самостоятельно. Можно даже предположить, что перевод любого китайского трактата следует снабжать терминологическим словарем с пояснением полисемии каждого термина/концепта и описанием системы оппозиций, в которую этот термин/концепт включен¹.

Но и это еще не все. Перевод, по моему мнению, должен раскрывать «источник понимания» текста. Вокруг каждого классического текста сформирована своя традиция понимания (герменевтическая традиция или экзегеза), зафиксированная в комментариях. Конечно, исследователь имеет право на свое видение и понимание, но оно не может быть основано только на его собственной интуиции и догадках, особенно если это текст инокультурный. Пользовался ли переводчик какими-либо комментариями? Какими принципами при выборе того или иного толкования руководствовался (например, следовал ли всегда самому древнему комментатору (Чжэн Сюаню (鄭玄) или Хуан Каню (黃侃), или самому авторитетному? или самому полному?))? Или же он отвергал все комментарии (по какой причине?), предпочитая свое собственное «незамутненное традицией» видение? Чем оно лучше и что не поняли комментаторы внутри традиции передачи данного текста? Приступая к такому тексту как Луньюй, нельзя, с моей точки зрения, обходить все эти вопросы, но они регулярно обходятся и не эксплицируются, и, хотя, например, перевод Л.С. Переломова заявляется как результат сопоставления всех версий и вариантов толкований и переводов Лунь Юй, по факту это оказывается не совсем так, особенно страдает аргументация выбора между различными вариантами понимания (и толкования) текста.

Кроме того, существуют уже ставшими классическими переводы на русский (первый русский перевод Павла Степановича Попова (1910)²), классический английский перевод Джеймса Legge (The Chinese Classics (Volume One: Confucian Analects) Tr. by James Legge) и другие переводы на европейские языки. Они были использованы или отвергнуты из-за неадекватности? Как в любом классическом трактате, в Лунь Юй есть понятные и трудно понимаемые места. Если в отношении последних перевод предлагает новые решения, то было бы желательно получить экспликацию переводческого решения и его основания именно в этих местах³.

И, наконец, имеется еще и большое количество переводов на современный китайский язык, то есть переводов, выполненных внутри самой традиции передачи Лунь Юй. Видимо, считая это недостойным глубокого научного

¹ Краткий вариант такого словаря можно найти в приложении к переводам Лунь Юй и Мэнцзы, выполненные Ян Боцзюнем: 《論語譯註》楊伯峻譯註，中華書局，北京，1980)

² П. С. Попов «Лунь юй. Изречения Конфуция, учеников его и других лиц», 1910 г.

³ Надо отдать должное изданию «Конфуцианское четверокнижие Сы Шу», где сравнение с другими переводами на русский язык проводится систематично.

исследования, переводчики на русский язык (и другие европейские языки) крайне редко упоминают современные китайские (КНР и Тайвань) переводы этого трактата, а их, понятное дело, очень много.

Частое игнорирование современных китайских переводов не может не вызывать удивления, так как имеется некоторое количество интересных работ, являющихся одновременно и глубокими исследованиями этого текста, и хорошими переводами, это, например, перевод Цянь Му (钱穆 《論語新解》三聯書店, 北京, 2002), Ян Боцзюня (《論語譯註》楊伯峻譯註, 中華書局, 1980, 北京)), Ли Цзэху (李澤厚 《論語今讀》安徽文藝出版社, 1998) и во многом прорывное текстологическое исследование Ян Фэнбиня (楊逢彬: 《論語新註新譯》北京大學出版社, 2016). Возможно, погруженность в традицию этих исследователей и зависимость от нее не дают им возможности непредвзято взглянуть на собрание изречений Конфуция, а посему их понимание «вторично», но нахождение вне традиции нельзя однозначно и безоговорочно считать преимуществом, игнорируя «внутреннюю» традицию понимания текста.

Возьмем в качестве примера весьма непростой для понимания чжан (часть) 22 из 6-й главы, ставший также объектом анализа специальной статьи Д.В. Конончука¹:

Оригинал ²	樊遲問知。子曰：“務民之義，敬鬼神而遠之，可謂知矣。” 問仁。曰：“仁者先難而後獲，可謂仁矣。”
Попов	Фань-чи спросил: «Кого можно назвать умным?» Философ ответил: «Умным можно назвать того, кто прилагает исключительное старание к тому, что свойственно человеку, почитает духов, но удаляется от них». «А человеколюбивым?» – спросил Фань-чи. «А человеколюбивым, – сказал Философ, – можно назвать того, кто на первом плане ставит преодоление трудного (т. е. победу над собой), а выгоду – на втором».
Переломов	Фань Чи спросил, в чем состоит мудрость. Учитель сказал: «Прилагать все силы к тому, чтобы народ обрел чувство долга, чтить духов и божества, не приближаясь к ним, — в этом состоит мудрость». Фань Чи спросил, в чем состоит человеколюбие. Учитель сказал: «У человеколюбивого вначале трудности, а успех приходит только потом — в этом и состоит человеколюбие».

¹ Д.В. Конончук ««Изучать “Перемены”» «подальше от духов»? О необходимости новых интерпретаций идей «Лунь юя», Ориенталистика, 2020 год, том 3, № 5

² Для удобства восприятия в тексте оригинала добавлены знаки препинания. Из переводов на русский язык взяты не все имеющиеся на данный момент, но данная выборка достаточна иллюстративна.

Лукьянов	Фань Чи спросил о мудрости/знании. Учитель ответил: — Радеть о справедливости среди народа, чтить демонов и духов, держась от них подальше, —это и можно назвать мудростью. Фань Чи спросил о человеколюбии. Учитель ответил: — Человеколюбивый сначала испытывает трудность, а затем добивается успеха —это и можно назвать человеколюбием.
Мартынов	Фань Чи спросил Конфуция о мудрости. Учитель ответил: «Старательно выполнять свой долг перед народом и почтительно служить духам, но держаться от них на расстоянии. [Такое поведение] можно назвать мудростью». Фань Чи спросил о человеколюбии. Конфуций ответил: «Человеколюбивый вначале преодолевает трудности, а затем пожинает результаты. Именно такой образ действий можно назвать человеколюбием».
Башкеев	Фань Чи спросил о знании. Учитель сказал: служить народу по велению долга, уважать духов шэнь и гуй, но сторониться их — это можно назвать знанием. [Фань Чи] спросил о человечности. Учитель] сказал: Человечный —сначала испытывает тяготы, а затем пожинает плоды. Это можно назвать человечностью.
Конончук	«Фань Чи спросил о мудром [человеке]. Учитель сказал: “Кто занимается [воспитанием] в народе чувства должного, кто уважает предков и духов, но не [слишком] полагается на них (дословно: юань чжи 遠之, «отдаляется от них»)¹ — может быть назван мудрым. [Фань Чи] спросил о человеческом [человеке]. [Учитель] сказал: «Человечный [выбирает] в первую очередь трудное и [лишь] во вторую [рассчитывает что-то] получить — [такой] может быть назван человеческим”».

Не вдаваясь во все детали сравнения вариантов перевода (и соответственно понимания) этого чжана, отмечу лишь ключевые моменты:

1. 樊遲問知: Фань Чи спросил о разумности/мудрости.

Для интерпретации знака 知 как 知者/智者 ‘мудрый человек’ (что делается в переводе Коночука) нет достаточных оснований. Хотя в самой ранней динчжоуской версии Лунь Юй (定州竹簡本) знак 知 в этом месте записывается как 智, что, вроде, говорит в пользу возможности понимания его как 知者/智者, но это только на первый взгляд. В стандартной версии Чжу Си знака 智 вообще нет (он встречается лишь в комментарии самого Чжу Си для обозначения одного из пяти постоянных качеств благородного мужа/совершенного человека – мудрости), но Чжу Си в своем комментарии указывает, что этот

¹ Комментарий Д.В. Коночука для удобства включен в текст перевода, у остальных переводчиков комментарий отсутствует.

знак следует читать нисходящим тоном (去聲), то есть намекает на его понимание как 智 ‘мудрость’. В динчжоуской версии знак 智 встречается не только в этом чжане, в частности, известная сентенция из 2-й главы 17 чжана в динчжоуской версии записывается как 智之爲智之, 弗智爲弗智, 是智也, что свидетельствует о наличии в этой версии у знака 智 значений ‘знать; мудрость’.

2. 務民之義: направить все свои силы на чувство долга/должного у народа (с целью преобразовать его)

Как видно, эта фраза вызывает много разногласий у переводчиков, при этом не все варианты перевода, данные выше, выводимы из ее грамматической структуры оригинала. Формально грамматически здесь имеется лишь два варианта анализа:

1) V1(務)+ Obj1 (N1 民)+V2 (之)+Obj2 (N2 義)

2) V1 (務)+ Obj 1 (N1+particle+N2 : 民之義).

Первый вариант предполагает рассмотрение 之 как глагола со значением ‘направляться, идти’ (такое значение у 之 действительно есть). В таком случае эту фразу следовало бы понимать как ‘направить свои усилия на то, чтобы народ направился к справедливости’ (в принципе, так это и понимает Ян Боцзюнь), однако лингвистически такая интерпретация обоснована плохо, так как у глагола 之 дополнение, как правило, выражено *существительным со значением места* (это видно, в частности, из употребления этого глагола в текстах Лунь Юй и Мэнцзы), а не *абстрактным существительным*. Таким образом, остается второй способ.

Второй способ синтаксического анализа заставляет нас рассматривать атрибутивное словосочетание 民之義 (букв. ‘(чувство) справедливости/долга у народа) как дополнение глагола 務 (направить свои силы на...(從事; 致力)). Глагол 務 встречается в Луной дважды¹ и оба раза в значении ‘направлять свои силы/усилия на..., заниматься чем-либо’. Такие варианты перевода как ‘служить народу по велению долга’ (почему ‘служить по велению долга’?), ‘старательно выполнять свой долг перед народом’ (откуда взялся ‘долг перед народом’ и ‘выполнять’?), ‘радеть о справедливости среди народа’ (почему ‘среди народа’ и какой смысл вкладывается в глагол радеть?), ‘прилагать все силы к тому, чтобы народ обрел чувство долга’ (откуда появилось ‘обрести чувство долга’, его раньше у народа не было?), все эти варианты плохо обоснованы лингвистически, то есть не находят оснований в структуре текста. Переводы Попова и Конончука, как минимум, не противоречат грамматике оригинала (в связи с этим интересен вопрос о новизне перевода).

Возможно, все перечисленные варианты исследователи считают вполне допустимой парафразой оригинала (в вэньяне все не так строго, поэтому воз-

¹ Вторая встречаемость знака 務 – это второй чжан первой главы: 君子務本, 本立而道生 ‘благородный муж/совершенный человек направляет свои усилия на установление основы, когда основа установлена, то рождается дао’.

можно большая свобода интерпретации, можно добавить практически любой предлог и смысл не пострадает), но, мне кажется, это слишком «творческое» понимание перевода канонического трактата: по крайней мере, внимательное прочтение дает совершенно разные понимания результирующего русского текста. Возможно, это я просто не вижу, каким образом возможны такие семантические трансформации, тогда здесь необходим дополнительный комментарий переводчика с аргументацией его переводческого решения.

Если мы обратимся к традиционным комментариям, то у Хэ Яня (何晏《論語集解》) находим: 務民之義，務所以化道民之義也。 ‘направлять свои усилия на то, чем преобразуется чувство должного у простого народа’ (здесь Хэ Янь цитирует комментарий Ван Су (王肅)). У Чжу Си (朱熹:《論語集註》) дано следующее толкование: 專用力於人道之所宜 ‘направлять свои силы на то, что является должным в отношениях между людьми’. Переводчик не может просто игнорировать и не учитывать комментарии, он должен аргументировать свою позицию особенно в случаях ее несовпадения с традиционным толкованием.

Я не буду останавливаться на остальных разночтениях и трудностях в толковании этого чжана, моя задача – проиллюстрировать проблему: заявленные новизна и научность новых переводов далеко не всегда очевидны, а иногда перевод напрямую указывает на недостаточную лингвистическую и текстологическую работу с текстом оригинала. В этой ситуации правильные и интересные рассуждения о Лунь Юй, изложенные в предисловии, остаются лишь теорией, не воплощенной в предпереводческом анализе и, к сожалению, не приводящей к заявленным новизне и научности перевода.

Появление разночтений в переводах вполне закономерно ожидать в трудных местах канона, но иногда мы их находим и в весьма, казалось бы, понятных фрагментах. Рассмотрим первую часть 22 чжана 2 главы:

Оригинал	子曰：“人而無信，不知其可也。
Попов	Философ сказал: «Я не думаю, чтобы неискренний человек был годен к чему-либо...
Переломов	Учитель сказал: Не знаю, возможно ли такое, чтобы человек не пользовался доверием...
Лукьянов	Учитель сказал: — Чтобы у человека да не было веры, — не знаю, как такое возможно?
Мартынов	Учитель сказал: Я не могу понять, как это возможно быть человеком и не пользоваться доверием...
Башкеев	Учитель сказал: Люди, не обладая доверием, не знают, что им дозволено.

Вторая часть перевода Попова насчет пригодности к чему-либо лексически не соответствует оригиналу. На вопрос «возможно ли такое» (перевод Переломова и Мартынова), можно однозначно ответить, что возможно. Здесь, однако, речь идет не о простой вероятности этого факта. Упоминание «веры» в переводе Лукьянова уводит русскоязычного читателя далеко от смысла ори-

гинала (напрашивается связь с пониманием веры в христианстве, которого и близко нет в Лунь Юй), а перевод Башкеева, совершенно непонятный на русском языке (мне, по крайней мере), грамматически неверно трактует 其可 (дополнение глагола 知 ‘знать’) как атрибутивное словосочетание ‘его возможность, дозволенное ему/им’.

Прежде всего, знак 信 в данном случае обозначает одно из пяти постоянных качеств благородного мужа, а именно, соответствие его речей/слов реальному положению делу, то есть правдивость, когда словам можно доверять (言必信). Пользоваться доверием (вариант Переломова) – это реакция окружающих, а быть правдивым в речениях – свойство самого субъекта. Знак 可 в данном случае указывает не на абстрактную возможность (возможно ли вообще такое? насколько это вероятно?), а на допустимость или долженствование, при этом этот знак не имеет номинативного значения (по крайней мере, в текстах Лунь Юй и Мэнцзы), а знак 其 употреблен здесь не в функции притяжательного местоимения ‘его, их’, а является подлежащим зависимого предложения, в результате мы получаем следующий буквальный перевод: ‘Учитель сказал: быть человеком и не обладать правдивостью в речах, не знаю, насколько это (вообще) допустимо’. На следующем этапе этот перевод можно подвергать художественной обработке, но без произвольного искажения смысла.

Таким образом, новые переводы Лунь Юй (и не только), конечно же, нужны (в этом я полностью согласен с Д.В. Конончуком), но это должны быть откомментированные переводы с глубоким проникновением в смысл оригинала, правильно интерпретирующие терминологическую и грамматическую структуру всего памятника и эксплицирующие ее в специальном приложении.

В заключении хотелось бы кратко вернуться к переводу В.М. Алексеева, хотя он, несомненно, заслуживает отдельной статьи. Я бы считал этот перевод, которому уже исполнилось сто с лишним лет, образцом переводческой честности, открытости и продуманности. Академик Алексеев не только объясняет и обосновывает свои варианты перевода, он также прямо указывает, какие фрагменты текста остались для него неясными. А его собственные замечания к комментарию Чжу Си можно считать кратким введением в категорию китайской мысли и традиционную китайскую герменевтику.

Хотелось бы, чтобы при работе над новыми переводами исследователи наследовали именно этой традиции, хотя она подразумевает огромные трудозатраты и большой русский текст (не всякое издательство возьмется за его публикацию), а также широкое знакомство с китайской классикой и китайской мыслью в ее целостности, не говоря уже об уровне владения русским языком, который в исполнении Алексеева просто изумляет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В.М. Китайская литература. М., 1978
2. Алексеев В.М. Китайская литература. М., 1978, и более полное издание его трудов «Труды по китайской литературе книги 1-2», Издательская фирма «ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН 2002

3. Башкеев В.В. «Конфуций Лунь Юй: Суждения и Беседы» (Новый современный перевод, Издательство АСТ 2023)
4. Виногородский Б.Б. «Конфуций Рассуждения в изречениях в переводе и с комментариями Бронислава Виногородского» (Эксмо, Москва, 2013)
5. Конончук Д. В. «Изучать “Перемены”» «подальше от духов»? О необходимости новых интерпретаций идей «Лунь юя», (Ориенталистика 2020 Vol 3, № 5)
6. Конфуцианское четверокнижие Сы Шу, Москва, Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2004
7. Лукьянов А.Е. «Суждения и беседы «Лунь юй»» (научный перевод с китайского и комментарий, Международная издательская компания «Шанс», Москва 2021)
8. Мартынов А. С. «Конфуцианство. Лунь Юй», Санкт-Петербург, 2001, тт. 1-2
9. Попов П. С. «Лунь юй. Изречения Конфуция, учеников его и других лиц», 1910 г.
10. Тянь Юйвэй Особенности переводов «Бесед и суждений (Лунь юй)» на русский язык» (Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология, 2019. Том 11. Выпуск 4)
11. Феоктистова В.Ф., опубликованных в сборнике его переводов «Философские трактаты Сюнь-цзы» (Натилис, 2005)
12. Феоктистов В. Ф. «К проблеме перевода древнекитайских философских текстов», в книге «Философские трактаты Сюнь-цзы» (Натилис, 2005)
13. Феоктистов В. Ф. «Нужны ли новые переводы Лунь юй», в книге «Философские трактаты Сюнь-цзы» (Натилис, 2005)
14. Чэнь Лян «Лингвокультурологический анализ китайского трактата Конфуция «Лунь юй» и его переводов на русский язык», Кандидатская диссертация, РУДН, 2022
15. Цянь Му (钱穆 《論語新解》三聯書店, 北京, 2002), Ян Боцзюня (《論語譯註》楊伯峻譯註, 中華書局, 1980, 北京)), Ли Цзэхуо (李澤厚《論語今讀》安徽文藝出版社, 1998) и во многом прорывное текстологическое исследование Ян Фэнбиня (楊逢彬《論語新註新譯》北京大學出版社, 2016).